
С. А. Вурм

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПАПУА НОВОЙ ГВИНЕЕ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Территория, простирающаяся от островов Тимор — Алор-Пантар и Хальмахеры на западе через собственно Новую Гвинею и прилегающие к ней острова до восточной оконечности Соломоновых островов на востоке, известна под названием Новогвинейского региона. По сравнению с аналогичными по территории частями эйкумены он отличается наибольшим лингвистическим многообразием и сложностью. В этом регионе говорят более чем на тысяче языках, преобладающая часть которых распространена в Папуа Новой Гвинее (ПНГ), ставшей недавно независимым государством.

2. АБОРИГЕННЫЕ ЯЗЫКИ ПАПУА НОВОЙ ГВИНЕИ

В ПНГ насчитывается примерно 760 аборигенных языков, которые обслуживают преимущественно малочисленные и даже крайне малочисленные языковые коллективы, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких тысяч носителей каждый. Лишь на относительно малой части этих языков говорят по 10 тыс. и более человек, и только одним самым крупным из них, языком энга, пользуются около 150 тыс. человек.

3. ЯЗЫКИ-ПОСРЕДНИКИ (ЛИНГВА ФРАНКА) В ПАПУА НОВОЙ ГВИНЕИ

Такая исключительно сложная лингвистическая ситуация благоприятствовала не только широкому распространению двуязычия и многоязычия, но и естественным образом привела к возникновению нескольких языков-посредников. Это обуславливалось специфической социальной ситуацией, необходимостью контактов за пределами языкового коллектива, причем языки-посредники возникали именно там, где такие контакты как правило выходили и за пределы соседствующих языковых коллективов, так как в противном случае вполне достаточными оказывались двуязычие и многоязычие. На территории нынешней ПНГ в прошлом сложились три различные ситуации подобного рода, вызвавшие создание трех различных типов языков-посредников, два из которых сформировались под непосредственным воздействием факторов современного общественно-политического развития. В дополнение к этому четвертым языком-посредником стал английский, внедренный планомерно.

3.1. Миссионерские языки-посредники

Первый из названных трех типов — миссионерские языки-посредники. Этот тип возник как следствие использования миссиями местных языков для своих нужд, прежде всего для нужд образования. Как правило, миссии не обращали внимания на выбор языка и не оценивали вначале его потенциальную пригодность в качестве языка-посредника, т. е. не принимали в расчет число говорящих на данном языке сравнительно с окружающими языками, не учитывали степень его родства с соседними языками, потенциальный престиж племени-носителя и т. п. Чаще всего все эти факторы были просто неизвестны к моменту, когда миссия начинала свою деятельность в каком-то районе, особенно это справедливо применительно к ранним этапам миссионерской деятельности в нынешней ПНГ. Миссии прежде всего были озабочены тем, чтобы выбранная местность обеспечивала успех собственно миссионерской работы, и если это было так, язык данной местности автоматически становился и языком миссии. В результате оказалось, что некоторые из миссионерских языков-посредников оказались вполне пригодными для контактов, другие же этим условиям не удовлетворяли.

По мере того как миссии переносили свою деятельность за пределы расселения племени, говорившего на выбранном в качестве миссионерского языке, по мере того как эти языки все больше и больше использовались миссионерами в лингвистически чужеродных соседних районах, искусственно расширялась область их употребления, во всяком случае в таких сферах, как миссионерская, церковная и связанные с ними, например сфера образования. Все это превращало такие языки в региональные языки-посредники, хотя функционирование их оказывалось ограничено кругом носителей, принадлежащих к определенному социальному кругу, представленному последователями данной миссии и определявшемуся характером ее деятельности. В то же время в глазах местного населения, не принадлежащего к приверженцам данной миссии или церкви (если только они не были последователями иной миссии, использовавшей другой язык-посредник), возрастал престиж как самого языка, выбранного в качестве церковного и языка-посредника, так и племени, первоначально говорившего на нем. Принадлежность к нему, владение языком-посредником и, в конечном счете, причастность к деятельности самой миссии стали иногда рассматриваться в качестве возможного источника экономических и прочих благ. В подобных случаях миссионерский язык-посредник мог быть воспринят в качестве языка-посредника более универсального типа в районах, прилегающих к территории первоначального племени-носителя. Примером такого развития является *кате* — один из трех церковных языков, используемых новогвинейской лютеранской миссией¹.

Когда в середине 50-х годов XX в. английский был избран в качестве языка начального образования (см. ниже 4.6), начался упадок миссионерских языков-посредников и сужение их функций. В последние годы они продолжали уступать свои позиции под натиском новогвинейского пиджина и, в меньшей степени, хири-моту.

3.2. Хири-моту

Второй тип языков-посредников в ПНГ представлен хири-моту (раньше известным под названием «полицейского моту»). Основа, к которой непосредственно восходит этот сформировавшийся на базе местных язы-

¹ S. A. Wurm. Papua-New Guinea nationhood: the problem of a national language.— «Journal of the Papua New Guinea Society», vol. 1, № 1, 1966, p. 7—19.

ков пиджин, сложилась в конце XIX — начале XX в. в качестве языка-посредника, использовавшегося туземными полицейскими в бывшей Британской Новой Гвинее, или Папуа. Этим объясняется и прежнее название языка². Еще раньше, в доевропейский период, в районе нынешнего Порт-Морсби жившие там члены племени моту владели особым языком (или языками), которыми они пользовались во время многочисленных торговых экспедиций в западном направлении, в сторону побережья Керема в современном округе Галф, где они обменивали керамику, украшения из раковин и каменные топоры на саго, лес для изготовления лодок и другие товары. Вполне возможно, что этот торговый язык, о котором мы можем судить только по нескольким ненадежным записям, представлял собой упрощенную форму аустронезийского языка моту, которая включала также папуасскую, или неаустронезийскую, лексику из района Керема и подверглась некоторым структурным модификациям, отражающим папуасское влияние.

Отсутствие каких-либо источников не позволяет нам судить о том, был ли язык-посредник, взятый на вооружение полицейскими, совершенно самостоятельным явлением, не связанным с торговым языком моту, или же он представлял собой результат его развития или модификации. Однако, по мнению Даттона и Брауна, тот факт, что полицейские вербовались, как правило, из папуасского населения за пределами территории расселения моту, позволяет предположить, что основой нового языка-посредника стал какой-то торговый язык, оснащенный лексикой моту. Этот новый язык-посредник с трудом понимают необученные ему носители собственно моту³.

С течением времени хири-моту превратился в широко распространенный, хотя все же региональный язык-посредник на большей части Папуа, а в период между двумя мировыми войнами его официальное признание в качестве языка-посредника и использование его в полиции и управленческом аппарате на какое-то время привело даже к вытеснению пиджина из Папуа. В послевоенный период, особенно в последнее десятилетие, хири-моту начинает относительно быстро терять свои позиции в Папуа, уступая их новогвинейскому пиджину. Во многих районах он уже потерял былое значение, что связано со стремительным внедрением пиджина в качестве основного языка-посредника ПНГ и наплывом пиджиноязычного населения в районы, служившие прежде оплотом «полицейского моту». Дополнительной причиной такого явления можно считать нежелание большинства европейцев Папуа изучать «полицейский моту» и их подчеркнутое предпочтение пиджину, которым, хотя бы на элементарном уровне, владеют почти все европейцы, живущие в ПНГ. В период активной подготовки к провозглашению независимости страны и после достижения ее в 1975 г. правительство более или менее намеренно предприняло некоторые шаги, оказавшие влияние на положение пиджина и «полицейского моту». К ним относятся, например, такие меры, как преимущественное использование пиджина в качестве рабочего языка парламента ПНГ (в то время как «полицейский моту», несмотря на его формальное признание, практически не используется в этом качестве), преимущественное пользование пиджином в средствах массовой информации, поощрение пиджина в роли языка начального образования и т. п. Все это, конечно, не предвещало большой будущности «полицейскому моту», но в самое последнее время появились признаки, свидетельствующие о противоположном. Дело в том, что в некоторых частях Папуа этот язык стал символом регионального самосо-

² T. E. Dutton, H. A. Brown. Hiri Motu: the language itself.— S. A. Wurm (ed.). New Guinea area languages and language study, vol. III: Language, culture, society and modern world («Pacific Linguistics», Ser. C. 40). Canberra, 1978.

³ T. E. Dutton, H. A. Brown. Указ. паб.; S. A. Wurm. Motu and Police Motu, a study in typological contrasts («Pacific Linguistics», Ser. A. 4). Canberra, 1964.

знания и был воспринят сепаратистским движением в Папуа в качестве объединяющего фактора. В результате увеличилось количество говорящих на «полицейском моту», переименованном теперь в хири-моту, и повысился его престиж. Так, например, выходцы из районов преимущественного распространения пиджина, живущие в течение многих лет в Порт-Морсби и не испытывавшие никогда ранее необходимости изучать этот язык, теперь начинают все чаще и чаще сталкиваться с ситуацией, в которой требуется овладение хири-моту, и число его носителей среди них начинает резко возрастать. Знание хири-моту или пиджина стало теперь для иностранцев одним из необходимых условий при получении гражданства ПНГ, и вообще язык этот сейчас официально рассматривается правительством как второй основной универсальный язык страны, равноправный с пиджином.

3.3. Новогвинейский пиджин

Третий тип языка-посредника в ПНГ представлен новогвинейским пиджином. Раньше существовало мнение, что новогвинейский пиджин восходит непосредственно к квинслендскому плантационному пиджину, который в свою очередь развился из пиджин-инглиша, распространенного в Южных морях в XIX в.⁴ Однако последние исследования Мюльхойслера показали вторичный характер влияния квинслендского плантационного пиджина на развитие новогвинейского пиджина: влияние это сказывалось опосредованно, т. е. более через основные районы вербовки контрактованных рабочих для плантаций южных морей⁵. В то же время Мюльхойслеру удалось установить, что самая ранняя форма «чистого» новогвинейского пиджина употреблялась на островах Дьюк-оф-Йорк, к северу от п-ова Газель на Новой Британии в 1882 г. Этот исследователь считает, что первоначальная форма новогвинейского пиджина обязана своим возникновением развитию стабильного плантационного пиджина на Самоа, так как после 1879 г. вербовка рабочих на самоанские плантации производилась с о. Дьюк-оф-Йорк, а первые рабочие вернулись с Самоа обратно как раз в 1882 г. В этом же году были заложены плантации на побережье бухты Бланч на п-ове Газель в Новой Британии и в Булео. Рабочие завозились туда с островов Бугенвиль и Новая Ирландия, при этом вполне возможно допустить, что опытные рабочие, побывавшие на Самоа, могли использоваться в качестве надсмотрщиков. В дальнейшем возникший таким образом новый язык последовательно обогащал свою лексику словами из языка толая и немецкого в административном центре Рабаул на п-ове Газель. По мере того как колониальная администрация и «пацификация» внедрялись во все новые и новые районы Германской Новой Гвинеи, там распространялся, благодаря полицейским и чиновникам, и пиджин. Прекращение межплеменных войн укрепило контакты между племенами, и новогвинейский пиджин натурализовался, так что его основной функцией стало языковое обслуживание межплеменных связей. Это привело к превращению его в «расширенный» пиджин, т. е. такой, чей экспрессивный и функциональный диапазон очень приближен к родному языку носителя.

К 1914 г., когда английские и австралийские войска заняли территорию Германской Новой Гвинеи, новогвинейский пиджин уже прочно обосновался там. Его стабилизация, натурализация и распространение продолжались и в дальнейшем, причем начали образовываться региональные и отчетливые социальные диалекты. Попытки католической миссии нормировать орфографию, лексикон и грамматику привели к по-

⁴ S. A. Wurm. Papua-New Guinea nationhood...

⁵ P. Mühlhäusler. Samoan Plantation Pidgin and the origin of New Guinea Pidgin.— «Journal of Pacific History», vol. 11, 1976.

явлению двух стандартизированных католико-миссионерских диалектов (новогвинейского и островного), что было вызвано расхождением во взглядах между католическими миссиями Новой Британии, с одной стороны, и миссией в Алексисхафене около Маданга на самой Новой Гвинее — с другой. Кроме того, стандартизация и описание, предпринятые католическими миссиями, не поспевали за текущим развитием разговорного пиджина, в результате чего образовался еще особый архаизированный церковный пиджин. Примерно в то же время, к середине 30-х годов, пиджин начал проникать во внутренние горные районы Новой Гвинеи в форме англоязычного пиджина, на котором говорили патрульные офицеры и другие представители администрации.

Вторая мировая война вызвала существенные изменения в социальной структуре ПНГ и создала новые социальные модели, в которых пиджину были уготованы новые функции⁶. Важное значение пиджина было неожиданно признано австралийскими властями. Вследствие этого в какой-то мере разрушились социальные барьеры, разделяющие в довоенное время местное население и европейцев, что особенно ярко проявилось в армии. Пиджин превратился в средство выражения чувств солидарности между всеми расовыми группами ПНГ. Кроме того, он стал широко использоваться в пропаганде военного времени с целью усиления социального контроля. Широкая мобилизация местных жителей в армию в качестве носильщиков и рабочих, охватившая и отдаленные районы страны, привела к увеличению количества людей, владеющих пиджином, и распространению этого языка на новые области.

После окончания второй мировой войны распространение пиджина по всей ПНГ продолжалось с еще большей интенсивностью; стабилизировался и прижился региональный диалект в Нагорьях и, наконец, пиджин вступил в зону «полицейского моту», что, впрочем, началось еще во время войны. Крушение социальных барьеров, отделявших ранее местных жителей от европейцев, вызвало и постепенное изменение статуса пиджина: из языка низших слоев общества он стал превращаться в язык, призванный выполнять новые роли в меняющемся обществе ПНГ.

В середине 50-х годов на социолингвистической сцене ПНГ произошло событие огромного значения. Впервые английский язык стал играть существенную роль в жизни местного населения в связи с переходом к использованию его в миссионерских начальных школах в качестве главного, а в государственных школах в качестве единственного языка при обучении. Коренных жителей стали поощрять к изучению и использованию английского. В то же время ООН в 1953 г. обратилась с призывом к Австралии принять меры к пресечению использования пиджина на территории подопечной в то время Новой Гвинеи⁷; это предположение основывалось на искаженной информации и было нереалистичным, так как австралийская администрация не могла контролировать использование натурализовавшегося к тому времени языка-посредника, служившего прежде всего для взаимосвязи между различными частями местного населения. Тем не менее призыв ООН укрепил проанглийский уклон в языковой политике администрации, несмотря на то, что именно в этот период распространение пиджина еще более расширилось как географически, так и социально. Образовался и развился прежде очень ограниченный социальный диалект, «городской пиджин». Возникли новые стилистические нормы, например, литературный стиль, стиль радиопередач и объявлений и т. д. Развитие местных диалектов, особенно в нагорьях, достигло максимума в середине 60-х годов, а затем сменилось нарастающей тенденцией к нейтрализации и сглаживанию региональных вариан-

⁶ P. Mühlhäusler. History of New Guinea Pidgin: I. The external history.— S. A. Wurm (ed.). Handbook of New Guinea Pidgin («Pacific Linguistics», Ser. C. 48). Canberra, in press.

⁷ R. A. Hall. Hands off Pidgin English. Sydney, 1955.

тов пиджина, что объяснялось возрастающей мобильностью населения и усилением влияния средств массовой информации. Неуклонно увеличивалось воздействие английского на пиджин, особенно на «городской пиджин». В некоторых областях страны началась креолизация пиджина, не оказавшая, впрочем, серьезного влияния на саму форму языка из-за социолингвистических факторов: дети, являвшиеся и являющиеся носителями креолизованного пиджина, должны были приспособиться к уже существовавшим в повседневных ситуациях межэтнической коммуникации формам натурализованного «расширенного» пиджина.

В 70-е годы произошло расширение функций пиджина: он стал первым и главным рабочим языком парламента ПНГ, все больше и больше проникает в средства информации и снова стал использоваться в начальных школах. Он превратился также в средство выражения новой контактной культуры, функционирующей между традиционной и европейской культурами, вобравшей в себя элементы той и другой, но не равной им обем. По мере распространения и расширения сферы влияния этой культуры за счет традиционной расширяется функциональная и географическая сфера пиджина, который в условиях города вступает с английским в отношения диглоссии (двуязычия в рамках одного языка.— *Перев.*). Основные варианты четко очерченных социальных диалектов — сельский и городской пиджин; периферийные варианты — «буш-пиджин» и «ток-маста» («лесной пиджин» и «язык хозяев».— *Перев.*), т. е. искаженная форма английского, употребляемая европейцами⁸.

Однако одновременно с описанными процессами наблюдается и нарастающий, хотя и в разной степени, спад в стабилизации пиджина и процессе формирования его региональных и социальных диалектов. Эта тенденция объясняется прежде всего мощным влиянием английского языка, а также тем, что вследствие недостаточного проникновения в природу пиджина и неэффективной координации мизерных программ языкового планирования лингвистические явления, с необходимостью сопровождавшие функциональное расширение пиджина, протекали *ad hoc*, что поставило под угрозу существование пиджина в качестве особого единого языка, так как возникает ситуация, чреватая разрушением фундаментальных закономерностей, лежащих в его основе⁹.

3.4. Английский язык

В дискуссии о языках-посредниках в ПНГ следует кратко упомянуть и английский язык. С социолингвистической точки зрения он коренным образом отличается от языков, рассмотренных выше, так как был непосредственно внедрен в этот район колониальными правителями и хозяевами — его носителями; тем самым его использование в качестве языка-посредника является непосредственным следствием строгого языкового планирования и контроля.

При этом английский в ПНГ отнюдь не выступал в роли объекта такого языкового планирования, которое было бы направлено на изменение или обогащение его содержания или структуры, если не считать робких попыток ввести в ПНГ «бейсик-инглиш» (систему обучения английскому языку, основанную на искусственном ограничении его словарного состава до 850 слов.— *Перев.*). Вместе с тем английский явля-

⁸ P. Mühlhäusler. Sociolects in New Guinea Pidgin.— «Kivung», Special Publication, № 1. Port Moresby, 1975; *его же*. Variation in New Guinea Pidgin.— S. A. Wurm (ed.). Handbook of New Guinea Pidgin; *его же*. New Guinea Pidgin and society: sociolects in New Guinea Pidgin.— S. A. Wurm (ed.) New Guinea area languages and language study, vol. III.

⁹ P. Mühlhäusler. Growth and structure of the vocabulary of New Guinea Pidgin. Ph. D. Thesis. Australian National University. Canberra, 1976.

ется исходным языком и источником лексического обогащения по крайней мере для одного из главных языков-посредников рассматриваемого региона, пиджина, и влияет также, хотя и в гораздо меньшей степени, на хири-моту. Воздействие английского языка имело решающее значение для формирования лингвистической структуры «городского пиджина» — одного из основных социальных диалектов новогвинейского пиджина, а возможно, и других его диалектов.

4. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПАПУА НОВОЙ ГВИНЕЕ

4.1. Вводные замечания

Обзор различных социолингвистических языковых типов в ПНГ, приведенный выше в пунктах 2 и 3, затронул целый ряд связанных с ними социолингвистических факторов. Если подробнее рассмотреть эти проблемы, то современная социолингвистическая ситуация и взаимоотношение между различными языковыми типами будут выглядеть следующим образом.

Как было отмечено в начале пункта 3, широкое распространение двуязычия и многоязычия представляет собой черту, характерную для новогвинейского региона. Это особенно справедливо по отношению к большинству населения современной ПНГ, которое, можно сказать, живет в культуре многоязычия. Около половины жителей страны двуязычны, т. е. владеют каким-либо местным языком и пиджином; в дополнение к этому определенная доля от этого числа людей обладает некоторым знанием английского или хири-моту, или и того и другого, а также какого-либо местного или миссионерского языка-посредника. Кроме того, обычным являются по крайней мере пассивное двуязычие и многоязычие в сфере аборигенных языков. Другая часть коренного населения владеет, кроме родного языка или языков, еще и хири-моту и в какой-то степени разбирается в английском. В результате система образования в том виде, как она предусмотрена языковой политикой в вопросах просвещения, принятой сегодня в ПНГ, стремится обеспечить минимально двуязычную программу: на родном (местном) языке и на одном из двух основных языков-посредников — на пиджине или хири-моту; английский при этом на более высоком уровне играет роль третьего языка (см. ниже 4.6). Поэтому образованные граждане ПНГ, как правило, трехязычны, а часто владеют большим, чем три, количеством языков.

Некоторый противовес этой ситуации можно усматривать в упомянутой выше в пункте 3.3 контактной культуре, средством выражения которой является пиджин. Эта стремительно растущая субкультура носит типичный модернизированный папуа-новогвинейский характер; ей свойственно отрицание всего традиционного, в том числе и местных языков; именно поэтому многие жители страны усваивают пиджин не в дополнение, а вместо своих родных местных языков¹⁰. На базе этой культуры, как отмечалось выше в пункте 3.3, пиджин вступил в отношения диглоссии с английским в городских условиях. Несмотря на это, многие из носителей этой субкультуры не знают английского. Усиливающаяся креолизация представляет собой еще один фактор, ограничивающий двуязычие и многоязычие, тесно связанный с распространением контактной культуры и вызванный возрастающей мобильностью населения. Количество этнически смешанных браков резко увеличивается в последнее время, и дети в таких семьях, в условиях, когда пиджин является единственным языком общения для их родителей, часто усваивают именно его в качестве родного языка и не учатся местным языкам.

¹⁰ P. Mühlhäusler. *New Guinea Pidgin and society: The social role of Pidgin in New Guinea today.*— S. A. Wurm (ed.). *New Guinea area languages and language study*, vol. III.

Социальные роли и функции различных социолингвистических языковых типов в ПНГ достаточно ясны, хотя взаимоотношения между ними невероятно сложны. Для всех типов можно различить, тем не менее, два аспекта в их употреблении и функционировании: прагматический и эмоциональный.

4.2. Социальные роли местных языков

Местными мы называем языки, употребляемые в повседневной жизни сельским населением, живущим в условиях традиционной или, по крайней мере, полутрадиционной обстановки. Эти языки употребляются также в домашнем быту членами семей даже в том случае, когда они не живут в соответствующем селе; хотя в этом случае употребление местного языка и прагматично, оно апеллирует к эмоциональной сфере, подчеркивая и усиливая чувство спаянности семьи и ее этнические связи с родным селом или областью.

На эмоциональном уровне местные языки выполняют ту же роль для членов языкового коллектива, находящихся вдали от дома и пользующихся родным языком как важным средством маркирования и сигнализации своих этнических связей. Таким образом, в условиях нарастающей мобильности коренного населения ПНГ роль местных языков тоже расширяется, так как они способствуют поддержанию контактов между людьми, друг с другом и с их традиционной культурой и общиной, до тех пор пока их традиционная культура не отступит под натиском все усиливающейся новой контактной культуры, упомянутой в пункте 3.3, и ее языка — новогвинейского пиджина.

Совсем недавно местные языки снова были признаны пригодными для целей начального образования и стали использоваться в этой роли, хотя и в ограниченных масштабах (см. 4.7). Создается впечатление, что правительство страны и его специализированные учреждения, несущие ответственность за состояние образования, пришли к такому решению, движимые желанием не допустить утраты населением связей с местными традициями и прошлым страны в условиях формирования папуа-новогвинейской нации¹¹. Это еще одна социальная функция местных языков, представляющая, хотя бы отчасти, эмоциональный аспект проблемы.

4.3. Социальные роли миссионерских и локальных языков-посредников

В последние годы различные миссионерские и местные языки-посредники, которые имели распространение на Новой Гвинее, усиленно вытесняются двумя главными лингва-франка, а также английским языком. В определенной степени местные языки-посредники продолжают употребляться во время церковной службы и связанной с нею религиозной деятельности. Их продолжающееся функционирование на секулярном уровне сегодня нередко имеет не только прагматическое значение, обслуживая общение между носителями различных местных языков, но и эмоциональную основу: оно утверждает и подчеркивает общую принадлежность участников общения к определенным культурным институтам, представленным миссией, которая пользуется данным языком-посредником.

4.4. Социальные роли хири-моту

Рассматривая прагматический аспект, мы можем констатировать широкое распространение хири-моту в Папуа, т. е. в границах бывшей

¹¹ С точки зрения советских ученых, правильнее говорить о формировании в ПНГ этнополитической общности.— *Ред.*

территории Папуа, в качестве средства общения между носителями различных местных языков; он достаточно интенсивно внедряется и в средства информации. В некоторых районах оба эти процесса сейчас интенсифицируются, в других, наоборот, находятся в состоянии резкого спада. Как уже было отмечено в пункте 3.2, хири-моту быстро отступал под натиском пиджина, пока его акции внезапно не повысились благодаря новой эмоциональной окраске, приданной ему пробуждающимся местным национализмом жителей Папуа, принявшим даже формы сепаратистского движения. Хири-моту стал символом самосознания для многих жителей Папуа¹². Несмотря на то, что количество говорящих на нем сравнительно невелико (около 200 тыс. человек по сравнению с более чем миллионом говорящих на пиджине), эмоциональная и политическая жизнеспособность хири-моту настолько велика, что правительство страны воздерживается от того, чтобы открыто и официально оказывать пиджину большую поддержку, чем хири-моту. Формально оба языка рассматриваются как равные в сфере общественной жизни.

4.5. Социальные роли пиджина

Ситуация, сложившаяся вокруг пиджина, неизмеримо сложнее, чем та, которая существует вокруг других социолингвистических языковых типов в ПНГ. Функционирование его имеет и прагматический и эмоциональный аспекты и, сверх того, должно быть рассмотрено с точки зрения выполнения им функций языка новой контактной культуры, упомянутой в пункте 3.3. Картина еще более усложняется в связи с существованием двух основных и двух периферийных социальных диалектов пиджина¹³ и соответственно присущих им функций (см. 3.3), а также последними тенденциями в развитии этого языка, направленными, возможно, на нарушение единства пиджина как особого языка и постепенное нарушение его единообразия, т. е. как раз того, что и определяет его ценность в качестве широко распространенного языка-посредника (см. 3.3).

Основная и главная функция пиджина сугубо прагматична: он является основным средством коммуникации жителей ПНГ, говорящих на сотнях отличающихся друг от друга языков. Будучи языком средств массовой информации, правительства, администрации, пиджин имеет шансы довести количество своих носителей до числа, вдвое превышающего (если иметь в виду как устное, так и письменное владение им) количество владеющих всеми остальными языками-посредниками, включая и английский. В советах местного управления, кроме тех местностей, где в качестве языка-посредника прочно укоренился хири-моту, протоколы заседаний, как правило, ведутся на пиджине, даже если сами дебаты происходят на местных языках¹⁴. Для сельского населения пиджин — единственное средство связи с внешним миром и единственное средство, открывающее доступ к новым веяниям. Для административных органов низших уровней пиджин незаменим как основной рабочий язык, тем более, что и местное сельское население рассматривает его как единственное эффективное средство общения с администрацией.

Что касается письменного пиджина, то большая часть материалов на нем до сих пор была выпущена либо миссиями, либо правительством и административными учреждениями. Это превратило пиджин в мощное орудие социального контроля на службе упомянутых институтов.

На эмоциональном уровне значительная часть сельского населения ПНГ рассматривает пиджин в качестве соединяющего звена, дающего

¹² S. A. Wurm. Criticisms and attitudes towards Pidgin.— S. A. Wurm (ed.). New Guinea area languages and language study, vol. III.

¹³ P. Mühlhäusler. Socioclects in New Guinea Pidgin; *его же*, New Guinea Pidgin and society: socioclects in New Guinea Pidgin.

¹⁴ P. Mühlhäusler. New Guinea Pidgin and society: socioclects in New Guinea Pidgin.

людям ощущение солидарности и высшего уровня самосознания. Эти ощущения только усиливаются часто встречаемыми опасениями со стороны говорящих на пиджине, но не владеющих английским, что они окажутся отброшенными назад, если английский все-таки возобладает.

Все это заставляет многих граждан ПНГ смотреть на пиджин как на способ самоидентификации, как на свой собственный язык, специфичный для всего, что связано с ПНГ, как на язык, составляющий предмет их особой гордости. Такое отношение проявляется в различных, хотя и взаимосвязанных, формах. Так, например, от европейца, живущего в ПНГ, требуется хорошее знание пиджина, обращение к местным жителям на плохом пиджине вызывает возмущение, и вообще владение пиджином или хири-моту является, как отмечалось выше, одним из условий для получения гражданства ПНГ; местные жители стараются разговаривать друг с другом на пиджине где только возможно, особенно в ситуациях, при которых еще недавно употребление пиджина считалось неприличным или недопустимым (например, в средних школах и в Университете Папуа Новой Гвинеи); они считают пиджин инструментом национального самовыражения, пригодным для выражения своих самых глубоких ощущений. Эти взгляды находят отражение в разделяемом многими гражданами страны стремлении к тому, чтобы пиджин стал национальным языком ПНГ, основным языком парламентских дебатов¹⁵ (хотя в этом требовании отражаются и чисто прагматические устремления), опять сделался языком профессионального обучения и был бы, как прежде, признан пригодным для целей обучения в начальных школах и ликвидации неграмотности среди взрослых¹⁶, чтобы возникла оригинальная местная литература на этом языке¹⁷.

Как отмечалось в пункте 3.3, пиджин обслуживает также новую контактную культуру ПНГ, которая возникла на базе не критического отрицания традиционных ценностей и установок и неадекватного копирования европейской культуры; между контактной культурой и двумя другими культурами существует настолько существенное различие, что ее носители практически не имеют доступа ни к традиционной, ни к европейской сферам.

Как уже было подчеркнуто в пункте 3.3, региональные диалекты пиджина в значительной мере нейтрализованы к настоящему времени благодаря возросшей мобильности населения ПНГ, а социальные диалекты, напротив, выявились еще четче.

Один из двух упомянутых в пункте 3.3 периферийных социальных диалектов, ток маста, названный так местными жителями, представляет собой тип пиджина, употреблявшийся большинством европейцев, живших в ПНГ, до недавнего времени, но уже почти вышедший из употребления сейчас. Это собственно не пиджин, а некий набор английских форм, отобранных на основе ошибочного предположения говорящих, будто пиджин похож на английский младенческий лепет. Ток маста нестабилен, изобилует непредсказуемыми симплификациями, труден для понимания и предназначен главным образом для отдачи приказов и поддержания социальной отчужденности. В современной ПНГ он обречен на быстрое исчезновение ввиду своей лингвистической нестабильности, колониалистского «подтекста», а также и четко выраженной позиции правительства, ожидающего от всех европейцев, живущих в стране, беглого владения хорошим пиджином.

---

¹⁵ B. Hull. The use of Pidgin in the House of Assembly.— «Journal of the Papua New Guinea Society», 1968, № 2, p. 22—25.

¹⁶ S. A. Wurm. Criticisms and attitudes towards Pidgin.

¹⁷ D. C. Laycock. Creative writings in New Guinea Pidgin.— S. A. Wurm (ed.). New Guinea area languages and language study, vol. III.

Второй периферийный социальный диалект, буш-пиджин¹⁸, объединяет различающиеся между собой формы пиджина, характеризующиеся сильной интерференцией с исходным языком и бытующие в отдаленных районах ПНГ, где языком-посредником пользуются редко и только для sporadических связей с другими группами. Его функции дополняют функции местных языков, и функционирование его не оказывает влияния на социальную структуру его носителей. Буш-пиджин предназначен для поддержания социальной дистанции между разными группами, прибегающими к нему лишь в случае крайней необходимости¹⁹, а его носители занимают маргинальное положение в обществе ПНГ.

Что же касается двух основных социальных диалектов, то сельский пиджин был охарактеризован Лейкоком как «беглый, но безыскусный, скорее береговой, чем нагорный, скорее меланезийский, чем английский»²⁰. Это, пожалуй, самый распространенный социальный диалект и вариант пиджина; он был воспринят в качестве стандартной формы в значительном количестве публикаций (большая часть которых контролируется миссиями), в том числе и в популярной газете «Ванток». Уже по этим двум причинам он является наиболее естественной основой для будущего стандартизированного пиджина, который будет иметь хождение во всей стране.

Сельский пиджин в настоящее время — наиболее стабильный из всех существующих социальных диалектов, хотя и он подвергся воздействию деструктивных тенденций, отмеченных выше в конце пункта 3.3. В частности, он вобрал в себя некоторое число специфических для него новых слов. Грамматика же осталась относительно незатронутой английскими влияниями.

Социальная база сельского пиджина — сельская община, вдали от больших городов, но не свободная от их влияния. Европейские представления, принесенные миссиями и администрацией, хорошо известны в районах распространения сельского пиджина.

Функции сельского пиджина не сводятся только к обслуживанию межплеменного общения через языковые границы; он является также инструментом культурных изменений и социализации, выступая в роли языка преподавания и администрации. Частично сельский пиджин перенимает и функции местных языков как средство выражения определенных представлений, не коренящихся в традиционной сфере.

Второй основной социальный диалект, городской пиджин, представлен вариантами пиджина, бытующими в крупных городских центрах, и включает также те варианты, которые используются жителями ПНГ, хорошо знающими английский. В результате этого городского пиджин и английский находятся в отношении диглоссии, при которых очень частыми становятся всевозможные кальки и заимствования из английского, прежде всего в области словаря и произношения, но также и в грамматике. Постоянное присутствие английского языка и давление с его стороны породили много неясностей в городском пиджине и отклонений от нормы в его грамматике, что в свою очередь начало приводить к исчезновению взаимопонимаемости между городским и сельским пиджинами. По своим функциям городской пиджин напоминает сельский, но в качестве инструмента культурных изменений и социализации он заходит гораздо дальше, чем его сельский партнер. Он служит для укрепления групповой солидарности, является средством выражения националистических устремлений и повышения группового престижа. Он также часто заменяет местные языки и вообще обнаруживает тенденцию к креоли-

¹⁸ P. Mühlhäusler. *New Guinea Pidgin and society: sociolects in New Guinea Pidgin.*

¹⁹ P. Mühlhäusler. *New Guinea Pidgin and society: the social role of Pidgin in New Guinea today.*

²⁰ D. C. Laycock. *Pidgin's progress.* — «New Guinea Quarterly», vol. 4, № 2, 1969, p. 8—16.

зации вследствие высокой частоты этнически смешанных браков, особенно в городских центрах, как уже отмечалось выше в пункте 4.1.

Заслуживает упоминания тот факт, что наиболее отчетливо деструктивное влияние английского на городской пиджин ощущается при употреблении его в качестве рабочего языка в парламенте ПНГ и вообще когда он употребляется для выражения политических, экономических и сходных тем, коренящихся в европейских культурных представлениях. Бесчисленное множество новых понятий, используемых в подобных ситуациях, обозначается терминами, почти всегда непосредственно заимствованными из английского, причем часто таким образом, что их лексическая структура нарушает те структурные принципы, которые положены в основу словаря пиджина. А ведь богатый набор словообразовательных средств в пиджине вполне обеспечивает создание новых терминов для всех этих понятий, так, чтобы они соответствовали лексическим закономерностям пиджина²¹. Если не будут предприняты систематические усилия в направлении стандартизации и языкового планирования применительно к пиджину, то носители пиджина будут развивать свой язык во вред ему и себе самим, по линии наименьшего сопротивления, т. е. просто по пути непосредственного заимствования английских терминов.

4.6. Социальные роли английского языка

Английский язык в ПНГ также имеет свои прагматический и эмоциональный аспекты и в дополнение к этому должен рассматриваться как исходный язык и источник лексического обогащения для пиджина, что уже отмечалось выше в пункте 4.5.

Прагматически английский обслуживает среднее и высшее образование, а также служит языком юриспруденции и административной деятельности высшего уровня и употребляется для общения с внешним по отношению к ПНГ миром. Поскольку английский знаком и доступен элитарным слоям населения, он воспринимается на эмоциональном уровне многими людьми, особенно родителями учащихся начальных школ, как единственное средство достижения материального достатка, делового продвижения и власти; поэтому родители стремятся обеспечить своим детям хоть какую-нибудь степень знакомства с английским. Впрочем, такой взгляд на овладение английским становится менее распространенным, ибо связанные с ним надежды часто не сбываются.

И все же определенное количество знающих английский представителей элиты восприняли от своих англоязычных учителей и бывших представителей австралийской администрации свойственное им пренебрежительное отношение к пиджину и склонны переоценивать важность и перспективность английского языка для ПНГ.

4.7. Роли различных языковых типов в образовании

Итак, мы подошли к обсуждению вопроса о роли различных социолингвистических языковых типов ПНГ в просвещении. Примерно до середины 50-х годов преподавание среди местного населения велось преимущественно на местных языках, а также на языках-посредниках²².

²¹ P. Mühlhäusler. Reduplication and repetition in New Guinea Pidgin — «Kivung», Special Publication, № 1, Port Moresby, 1975; *его же*. Functional possibilities of lexical bases in New Guinea Pidgin. Paper presented at the International Conference on Pidgins and Creoles. Honolulu, Hawaii, January 1975 (mimeographed); S. A. Wurm, P. Mühlhäusler, D. C. Laycock. Language planning and engineering.— S. A. Wurm (ed.). Handbook of New Guinea Pidgin.

²² S. A. Wurm. Language and literacy.— E. K. Fisk (ed.). New Guinea on the threshold. Canberra, 1966, p. 135—148; *его же*. Language policy, language engineering: New Guinea and Australia.— «Current Trends in Linguistics», vol. 8: Linguistics in Oceania. The Hague, 1971, p. 1025—1038.

Позднее австралийской администрацией был сделан решительный шаг в направлении широкого использования английского в качестве единственного языка преподавания на всех уровнях образования, включая начальное. Государственным школам предписывалось строго придерживаться этого правила, а миссионерские школы, в которых было сосредоточено около 80% учащихся ПНГ²³, могли продолжать получать государственные субсидии только при условии выполнения ими минимальных предписанных стандартов, т. е. при условии ведения преподавания только на английском. Многие миссии в ответ на это стали создавать параллельные классы: одни, удовлетворявшие предписанным минимальным стандартам и использовавшие английский в качестве языка преподавания, а другие — квалифицировавшиеся по более низким стандартам, не имевшие права на получение субсидий от администрации и использовавшие в качестве средства образования язык-посредник или один из местных языков.

Разумность политики, настаивавшей на использовании в начальной школе одного только английского языка, была поставлена под вопрос автором настоящей статьи²⁴, причем было продемонстрировано, что представители коренного населения, получившие начальное образование или познакомившиеся с грамотой на своем родном языке и затем постепенно начавшие использовать английский язык для получения более высокого образования, намного опережают тех своих соотечественников, которые использовали при обучении с самого начала только английский²⁵. Невзирая на это, политика «только английский» продолжала проводиться в жизнь. У нее было много недостатков: во многих случаях учителя и ученики не могли нормально общаться друг с другом в начале учебного процесса, увеличилось число учеников, бросивших школу, так как знание английского представлялось им ненужным. Многие коренные жители в результате этой политики оказались отчужденными от их традиционной культуры и, не сумев полностью понять и усвоить европейскую культуру, оказывались в ситуации культурного вакуума.

Стремительное движение ПНГ в 70-х годах к самоуправлению и, в конечном счете, к независимости сопровождалось драматическими переменами в языковой политике правительства. В настоящее время все социолингвистические типы языков признаются пригодными для начального образования, причем создается впечатление, что лица, ответственные за этот радикальный поворот языковой политики в области образования, полагали наилучшим вариантом такой, при котором начальное элементарное образование должно даваться по возможности на местных языках, с тем чтобы одновременно с ними или немного позже начал внедряться один из двух основных языков-посредников, пиджин или хири-моту, английский же вводился бы только на более высоких уровнях образования. Одну из причин принятия решения о стимулировании использования местных языков при начальном образовании можно усматривать в желании правительства как-то сгладить принимающий угрожающие размеры разрыв детей ПНГ с традиционными культурами их родителей (см. 4.2). Для многих из местных языков, в основном усилиями сотрудников Летнего института лингвистики, была создана письменность и сейчас на них изданы буквари и учебники для начальной школы. Тем не менее задача использования в указанных целях местных языков невероятно сложна, главным образом вследствие чрезвычайного языкового многообразия ПНГ. Практически только ограниченное количество местных языков играет сейчас какую-то роль в начальном образовании,

²³ O. H. K. Spate. *Education and its problems*. E. K. Fisk (ed.). Указ. паб., с. 117—134.

²⁴ S. A. Wurm. *Language and literacy*.

²⁵ «The use of vernacular languages in education». («Monographs in Fundamental Education», 8). Paris, UNESCO, 1953

в том числе и в образовании для взрослых. В большинстве же случаев используется какой-либо язык-посредник, преимущественно пиджин; сильны еще и позиции английского. Исследователи, занимающиеся изучением пиджина, все еще стоят перед проблемой отсутствия общепринятой стандартизированной нормы (см. 4.5), так как единственная существующая норма используется не повсеместно. Образование более высоких ступеней практически ведется только на английском, что создает серьезную проблему, так как исключительное использование других языков в начальной школе серьезно ограничило бы возможности учащихся, желающих продолжить свое образование. Противостоит внедрению в начальное образование местных языков и языков-посредников также упомянутая в пункте 4.6 установка многих родителей на переоценку английского языка как единственного средства достижения материального достатка и экономического преуспеяния, хотя, как отмечалось выше, в настоящее время она ослабевает.

Языковая политика в области образования должна, очевидно, еще пройти через этап проб и ошибок, пока не будет найдена оптимальная форма, удовлетворяющая потребности столь невероятной сложной в лингвистическом отношении страны, как Папуа Новая Гвинея.

Перевел с английского *М. А. Членов*

PRESENT TRENDS IN THE SOCIO-LINGUISTIC SITUATION IN PAPUA NEW GUINEA

Papua New Guinea contains about 760 distinct local languages, mostly spoken by very small speech communities. Multilingualism is common, and *lingue franche* have developed early. They are: 1) Missionary and local *lingue franche*, 2) Hiri Motu, a native-language-based *lingua franca* used in Papua (the southern and eastern part of Papua New Guinea) only with over 200 000 speakers, and of pre-European origin, 3) New Guinea Pidgin, an English-based pidgin developed in the 1880's and known by more than half the population, 4) English. Sociolinguistically, all the language types have a pragmatic and an emotional facet in their roles. The local languages are the traditional village languages, and enhance village and traditional solidarity between speakers absent from home. The Missionary *lingue franche* have been receding before Pidgin, Hiri Motu and English. They continue to fulfil Church and Missionary functions, and serve as an expression of solidarity between members of a particular Mission or Church. Hiri Motu was rapidly giving up ground to Pidgin until recently, but has become the vehicle of Papuan regional nationalism and a means of expression of regional Papuan self-identity, and has staged a come-back in speaker numbers and prestige. It is now officially treated by the Government as equivalent to Pidgin. Pidgin is widespread in Papua New Guinea and rapidly expanding geographically and in the number of its speakers. It is the main language for cross-linguistic communication, lower-level administration and the news media. Former regional dialects have been largely neutralized as a result of increasing population mobility, but there are two major social dialects, Rural Pidgin and Urban Pidgin: the former more widespread and stable, the latter heavily anglicized and becoming increasingly fluid and variable. A new Papua New Guinean contact culture rejecting the traditional culture and poorly imitating the European has developed and is spreading rapidly, with Pidgin as its specific language which replaces the local languages. Pidgin has entered into a di-glossic relationship with English in urban settings, and is tending towards creolization. Pidgin has for many Papua New Guineans become a means of Papua New Guinean self-identification and the vehicle for nationalistic self-expression, which culminates in their feeling that Pidgin should be the national language of Papua New Guinea. Indigenous Pidgin creative writing is emerging, and Pidgin has become the main language of debate in the House of Assembly (the Papua New Guinea Parliament). However, the necessary increase in the vocabu-

lary of Pidgin to enable it to play its present-day higher-level roles has been achieved through extensive and indiscriminate borrowing from English instead of through internal word-formation. Many of the English loans violate the basic structure of the Pidgin lexicon, and this endangers the continued existence of Pidgin as an independent language. Systematic language planning, standardization, and the use of existing standard forms is urgently needed, but has only just begun. English is the language of higher education, high-level administration and of contacts with the outside world. It is looked upon by many Papua New Guineans as the sole key to wealth and economic progress.

From the mid-fifties until recently, elementary and higher education was in English only, except for some low-grade elementary Mission schools. Now all languages are admissible for educational purposes, the intention apparently being that the first elementary education should be in the local languages as far as possible to counteract the loss of contact with local traditions, with one of the two major lingue franche being used simultaneously or afterwards, and English to follow at a more advanced level. In practice, only few local languages have been used to date, the major lingue franche are extensively employed and English still continues strongly. A fully satisfactory practice in the approach to the use of language in education still remains to be worked out.